

не может не повлиять на изучение древних восточнославянских диалектов и, по-видимому, облегчит выявление многих сложных моментов. Конечно, при этом возрастает гипотетичность получаемых результатов, поэтому нетрудно понять резко отрицательную реакцию Федота Петровича на отдельные скороспелые вульгарные опыты последнего времени в области исторической диалектологии и этногенеза восточных славян. Об удачно подмеченном Ф. П. Филиным ключевом значении исторической диалектологии в ряду дисциплин исторического (и не только исторического) языкознания можно было бы говорить много. Разве не отсюда в конечном счете вырастает проблема литературного языка, общекультурное значение которой сейчас очевидно для всякого образованного человека. Ф. П. Филин, давно интересующийся общественной функцией языка, в последние годы систематически переходит к исследованию особенностей русского литературного языка современности. Он держит руку на пульсе самых злободневных явлений языка нашей литературы, науки и культуры, он спорит и с ним спорят, но нам особенно импонирует то, что он остается при этом историком языка, без чего суждения о том, что «правильно» и что «неправильно», могут превратиться в поверхностную вкусовщину.

Я коснулся очень бегло только некоторых работ Ф. П. Филина и отдельных проблем и направлений его исследований, причем сказанное выше можно считать как бы предисловием к характеристике наиболее монументального в творчестве Ф. П. Филина. Потому что Федот Петрович — ярко выраженный монументалист. Даже его небольшие статьи (я не говорю о лингвистической публицистике Федота Петровича) каждый раз группируются вокруг какой-либо из разрабатываемых им больших проблем. Монументалист в науке — это тот, кто умеет доводить большое дело до конца. Далеко не каждый хороший ученый и организатор науки найдет в себе силы для того, что французы называют *travaux de longue haleine*. Чаще приходится наблюдать, как большие проекты так и остаются проектами и даже большие начинания, казалось бы, уже близкие к осуществлению, замирают как раз по причине «короткого дыхания» или других, более коренных недугов и просчетов. Федот Петрович крупно начал в середине тридцатых годов, выступив с известной книгой о лексике русских народных говоров. Верность этой теме он пронёс через всю жизнь. Сейчас, многие десятилетия спустя, на наших глазах стремительно продвигается вперед публикация большого «Словаря русских народных говоров», успешнейшее и единственное в своём роде словарное мероприятие, которое можно назвать без преувеличения детищем Ф. П. Филина, главного редактора этого словаря. О научной и культурной полезности этого словаря я не говорю; она известна. Залогом успешности осуществления этого издания явились простота и реалистичность замысла: дать в первую очередь всё, что уже записано из сокровищ народного слова. Нас не манили перспективой создания «полного» народного словаря, составленного по единой, современной программе, и это очень хорошо, иначе мы скорее всего едва ли дождались бы результата, ведь речь идет не об одной деревне, а обо всей России... Теперь же мы практически уже имеем богатый справочник как по составу народной лексики, так и по её географии. Единственный вышедший в славянских странах сводный диалектный словарь — «Słownik gwar polskich» Я. Карловича (6 тт., в начале века) — не указывает подробного распространения слов и в целом очень устарел.

Не всё и не на всех этапах складывалось благополучно в этой основной деятельности Федота Петровича. Тридцатые годы явились началом большой планомерной коллективной работы над атласом русских народных говоров, и душой этой работы был Федот Петрович. Эту работу не следовало ни при каких обстоятельствах ни прекращать, ни отменять ввиду её необходимости, но, однако, именно это произошло в 1950 г. Сыграла свою роль определенная близость молодого Ф. П. Филина к Н. Я. Марру и его общелингвистическим идеям. Но сильный характер, умение учиться и работать, стойкость коммуниста помогли Федоту Петровичу и на этот раз. Начинается постепенное приобщение к большим работам над совершенно новым сводом по современной русской лексикографии. Но факт остается фактом: диалектологическому атласу в том плане, в каком задумал его Ф. П. Филин, не суждено было появиться, и об этом стоит пожалеть. Специфика состояния народных говоров такова, что всякий нарочито синхронный «срез» при их описании даст заведомо обеднённую картину (по мнению специалистов, диалектное слово, да и не только слово, исчезает незаметно). На основании бесед с Федотом Петровичем, а также личного хорошего представления о его интересах историка-диалектолога я всё больше понимаю, что это был бы своего рода историко-диалектологический атлас с разумным привлечением богатых фактических диалектных записей по крайней мере предшествующего столетия. От этого он не стал бы менее «современным» подобно тому, как с полным правом называется словарём современного русского языка словарь языка «от Пушкина до наших дней». Больше того — мы получили бы объёмную голографию, а не одноплоскостную фотографию.

Занятия по составлению нового многотомного словаря русского языка нового времени шли успешно. Ф. П. Филин вскоре выдвигается на пост ответственного редактора ряда томов и руководителя всего коллектива. Дальнейшее всем известно. Законченный выпуск в 1965 г. семнадцатитомный словарь оказался крупнейшим событием культурной жизни страны, что впоследствии было отмечено присвоением Ф. П. Филину и некоторым другим руководящим работникам коллектива высокого звания лауреата Ленинской премии. В том же 1965 г. начал выходить «Словарь русских народ-